

На съезде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте,—
как понимается описываемое в газете.

Акуловкой получена газет связка.
Читают.

В буквы глаза втыкают.

Прочли:

— «Пуанкаре терпит фиаско». —

Задумались.

Что это за «фиаска» за такая?

Из-за этой «фиаски»

грамотей Ванюха

чуть не разодрался:

— Слушай, Петь,

с «фиаской» остро держи ухо:

дажу Пуанкаре приходится его терпеть.

Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи.

Даже Стиннеса —

и то! —

прогнал из Рура.

А этого терпит.

Значит, богаче.

Американец, должно.

Понимаешь, дура?! —

С тех пор,

когда самогонщик,

местный туз,

проезжал по Акуловке, гремя коляской,

в уважение к богатству,

скидавая картуз,

его называли —

Господином Фиаской.

Последние известия получили красноармейцы.
Сели.

Читают, газетиной вея.

— О французском наступлении в Руре имеется?

— Да, вот написано:

«Дошли до своего апогея».

— Товарищ Иванов!

Ты ближе.

Эй!

На карту глянь!

Что за место такое:

А-п-о-г-е-й? —

Иванов ищет.

Дело дрянь.

У парня

аж скулу от напряжения свело.

Каждый город просмотрел,

каждое село.

«Эссен есть —

Апогея нету!

Деревушка махонькая, должно быть, это.

Верчусь —

аж дыру провертел в сапоге я —

не могу найти никакого Апогея!»

Казарма

малость

посоветчалась.

Наконец —

товарищ Петров взял слово:

— Сказано: до *своего* дошли.

Ведь не до *чужого*?!

Пусть рассеется сомнений дым.

Будь он селом или градом,

своего «апогея» никому не отдадим,

а чужих «апогеев» — нам не надо. —

Чтоб мне не писать, впустую оря,

мораль вывожу тоже:

то, что годится для иностранного словаря,

газете — не гоже.